

ГЕНДЕРНАЯ ОППОЗИЦИЯ В ОТРАЖЕНИИ РУССКОЙ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ

О.В. Комиссарова

Аннотация. Представлен анализ метафорического маркирования гендерной оппозиции в русском языке, а также рассмотрены варианты гендерной актуализации в контекстах, содержащих зооморфные метафоры.

Ключевые слова: гендер, метафора, зооморфная метафора, гендерно маркированные/немаркированные метафорические единицы.

В последние десятилетия в современной русистике отмечается повышенный интерес к языковой вариативности, связанной с полом носителя языка. Для обозначения данного явления в науке используется термин *гендер* (из англ. *gender* в значении «грамматическая категория пола»). В настоящее время это понятие признается большинством исследователей, его номинация используется как термин, который подчеркивает социокультурную причину межполовых отношений, а не природную. Согласно А.В. Кирилиной, «гендер отражает одновременно процесс и результат “встраивания” индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на данном историческом этапе» [1. С. 27]. Изучение гендерных отношений в России началось в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. и связывается с именами А.В. Кирилиной, Д.Ч. Малишевской, И.И. Халеевой и др. В исследовании гендера можно выделить два направления. К первому относится изучение речевого поведения мужчин и женщин, различие женского и мужского языка. Второе направление представляет собственно языковые исследования, проблемы соотношения пола и грамматической категории языка.

В статье анализируется система метафорических номинаций человека, в которых актуализируются гендерные противопоставления. В качестве материала исследования были избраны так называемые зооморфные метафоры, т.е. такие метафоры, которые имеют прямое номинативное значение животного, служащие базой метафорического переноса для именованья человека. В качестве источников материала использовались данные академических словарей русского языка и Русского национального корпуса. Нами были проинтерпретированы метафорические оценочные наименования, которые характеризуют следующие качества человека: внешний вид, характер, манеру поведения и движения, физическую силу. Все метафорические именованья человека можно разделить на гендерно маркированные и гендерно немаркированные. **Гендерно немаркированные** единицы представляют одинаковые качества как для мужчин, так и для женщин и могут быть применимы к лицам обоих полов. **Гендерно**

маркированная лексика употребляется только по отношению к мужчинам либо по отношению к женщинам, при этом перенос качеств животного на мужской или женский пол зависит от рода существительного, называющего животное. Например, слово *тигр* в русском языке мужского рода, следовательно, оно употребляется в переносном значении применительно к мужчине, предписывая ему качества отважного, храброго и надежного человека.

Метафорические единицы, отобранные для анализа, могут быть классифицированы на три группы. **Первая группа** – именованья животных, которые содержат в лексическом значении семантические компоненты, выделяющие не только видовые отличия, но и половое противопоставление. Это такие лексемы, как *корова – бык, конь – кобыла, кобель – сука, баран – овца, свинья – боров* и т.д. Как правило, при метафорическом переносе половое противопоставление сохраняется: баран – характеристика мужчины, овца – женщины. Далее представлены примеры попарно, выделяя соответствующие качества, обозначенные ими. (Здесь и далее в соответствии с лингвистической традицией приняты следующие сокращения, обозначающие источники материала: Малый академический словарь – [2], толковый словарь Д.Н. Ушакова – [3], Национальный корпус русского языка – [4].) *Корова* – о толстой, неуклюжей, а также неумной женщине: *Разве умеет [сестра] свои выгоды соблюсти? Корова, суцая корова: ее хоть ударь, хоть обними – все ухмыляется.* (И. Гончаров, Обломов) [2]; *бык* – о сильном, крепком, здоровом мужчине: *Ничего не понимаю: почему ты в навозе-то? – Просто: послали и толкнули. Один мощный мужик-бык... – Ленька, что ли? – спросила Лина и тут же пожалела об этом, потому что Федор сразу замкнулся.* (Н. Горланова, Ряженные) [4]. Пара «кобыла – конь» представляет следующие характеристики: *кобыла* – о рослой, здоровой женщине [2]: *Саику и Анну связывала Валя, украинская рослая кобыла, работавшая вместе с Анной продавицей в магазине «Поэзия».* (Эдуард Лимонов, Книга воды) [4]; *конь* – о крепком, физически сильном человеке: *Что я, ребенок? Не знаю, что ли, куда эти благотворительные денежки текут? Я паишу, паишу, как конь, извини, а они себе в карман мои гонорары кладут...* (Андрей Белозеров, Чайка) [4]. Третья пара «кобель – сука», где *сука* употребляется как бранное слово [2]: *Так это ты, сука, – сказала дьячиха, подступая к ткачихе, – так это ты, ведьма, напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе.* (Гоголь, Ночь перед рождением) [2]; *кобель* – о похотливом мужчине: *Ты, рябой кобель, на мою красу не зарься.* (Рыленков, Сказка моего детства) [2]. Пара «овца – баран» номинирует следующие значения: *овца* – о покорной, безропотной женщине: *Эта овца, оказалось, все терпела – от свекрови и от мужа, пока Люда не решила положить этому конец.* (Нина Катерли, На два голоса) [4]; *баран* – о недогадливом, упрямом мужчине: *«Ну, давай, Костя, – серьезно подумал он, – не будь же уж совсем-то чумичкой: девка сама подсказывает. Совсем, что ли, баран?»* (Василий Шукшин, 1969) [4].

Таким образом, анализ метафорических единиц первой группы выявил закономерность: в основу характеристики мужчины и женщины, выраженной лексемами, репрезентирующими половое противопоставление, положены разные признаки. Следовательно, данные метафорические именованья человека являются гендерно маркированными.

Вторая группа – это лексические единицы, в прямом номинативном значении обозначающие животных, употребленные в различных метафорических контекстах, в которых сема «пол» – мужской/женский – маркируется суффиксально. К этой группе относятся наименования: *лев – львица, тигр – тигрица, осел – ослица, волк – волчица, кот – кошка*. Приведем примеры ассоциативных реализаций образов для характеристики мужчины и женщины в том же порядке, как и ранее принятый. *Лев* – о мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующемся большим успехом у женщин: *Да ведь ты не знаешь, – ответил Аркадий, – ведь он львом был в свое время. – Ведь он красавцем был, голову кружил женщинам.* (Тургенев, *Отцы и дети*) [2]; *львица* – о женщине, законодательнице мод и правил светского поведения: *Заехали они еще к одной молодой барыне, местной львице, Полине Карповне Крицкой, которая смотрела на жизнь, как на ряд побед, считая потерянным день, когда на нее никто не взглянет нежно.* (И. Гончаров, *Обрыв*) [2]. Пара «тигр – тигрица» представляет совпадение в нескольких значениях: 1) об отважном/ой, храбром/ой и надежном/ой мужчине/женщине: *Того же полка поручик Макаров – росту высокого, широкоплечий и силы необыкновенной, без образования, но с умом точным. Агнец между своими, тигр на поле битвы.* (Д.В. Давыдов, *Дневник партизанских действий 1812 года*) [4]; *Я тебя той самой кашей накормлю, которой ты других кормил. – Шантажистка, – мрачно обронил отец, обреченно понимая, что никуда он не денется и придется ему как миленькому делать все, что прикажет мать. Эта тигрица кому хочешь горло перегрызет за своего ублюдка.* (Э. Володарский, *Дневник самоубийцы*) [4]; 2) о человеке с быстрыми, стремительными движениями: *Отец мой, как тигр, бросился к дерзкому молодому человеку, не дал ему опомниться и, схватив одной рукой за пояс, а другой за ворот, перебросил через борт, как цепку.* (Ф.В. Булгарин, *Воспоминания*) [4]; *Но в это время на всю тюрьму прозвучал пронзительный детский крик, не Тонин, а просто какой-то девочки. – Они взяли мою младшую! – вскричала Мария Андреевна Борц. Она, как тигрица, кинулась на дверь и стала биться в нее и кричать: – Люся!* (А.А. Фадеев, *Молодая гвардия*) [4]. *Волк* – угрюмый, недоброжелательный человек [3]: *Но если сравнить мэрские интерьеры с обстановкой внутри городских больниц, то контраст будет более сильным, чем между областным правительством и областными же больницами. А ведь, например, 3-я городская больница – тоже памятник архитектуры, но, судя по ее состоянию, этот образец работы великого Шехтеля мы можем потерять. Так что бюджетник бюджетнику – волк.* (Маргарита Спиричева, *Такие разные бюджетники*) [4]; *волчица* – об агрессивной, недоброжелательной женщине: *За Светкой*

дядя твой явится. Мужик он глупый, нежадный, а жена – **волчица**. Все одно тебя облапошит. Так ты что ей отдашь, у дядьки в двойном размере обратно проси. И главное: на Таисьеке жениться не смей! (Марина Вишневецкая, Вышел месяц из тумана) [4]. **Осел** – о глупом, тупом, упрямом человеке: *Посрамление математика Алеши приурочивал к экзаменам. – Вот тогда я и докажу ему, кто из нас осел!* (Пермитин, Раннее утро) [2]; **ослица** – об упрямой женщине: *«Эта мерзавка, эта ослица... Слушай, весь Тбилиси! Это моя жена! Сколько раз я ей говорил, что люблю видеть то, что я пью, но эта идиотка не может этого понять, вот и сейчас – вай ме!* (Василий Катанян, Прикосновение к идолам) [4]. **Кот** – о похотливом, сластолюбивом мужчине [5. С. 300]: *Спасаясь от духоты, Майя завела моду спать в сарае, и вечером, отужинав простоквашей и вареной картошкой, все, захватив подушки, отправлялись на сеновал. Кроме Татьяны Анисимовны, которая не могла бросить маленькую Дину и оставалась с ней в звенящем комарами душном доме. Надо ли говорить, что **Кот**, ее муж, мчался туда впереди всех...* (Ирина Безладнова, Дина) [4]; **кошка** – о влюбленной, сластолюбивой женщине: *От Ильи она тоже будет терпеть все, что угодно, пока тот ее не бросит, – влюблена, как **кошка**.* (Нина Катерли, На два голоса) [4].

Приведенный материал, иллюстрирующий воспроизведение образов мужчины и женщины в метафорических контекстах, показал ярко выраженную закономерность: в большинстве случаев лексические единицы второй группы номинируют одинаковые характеристики как у мужчин, так и у женщин. Однако гендерный аспект актуализируется при ассоциативной характеристике человека: как правило, для представления женщины мы выберем существительные женского рода, обозначающих самок животных, а для мужчины – самца. Таким образом, метафорические именованья второй группы могут быть отнесены к нежестко гендерно маркированной лексике.

Особый интерес представляют метафорические единицы **третьей группы**, называющие в исходном номинативном значении животное, не дифференцируя по полу. В соответствии с русской грамматической системой они относятся либо к женскому (*лиса, гадюка, змея, мышь, крыса, обезьяна*), либо к мужскому (*ишак, зверь, крокодил*) роду. Основываясь на материале, выбранном для исследования, можно проследить следующую тенденцию: группа существительных грамматического женского рода при метафоризации переходит в категорию общего рода, однако оценочно характеризует прежде всего мужчин. Далее рассмотрим примеры. *Лиса* – о хитром, льстивом человеке: *А Суслов – уехал, – шептала Варвара. – Он, вероятно, знал, что будет обыск. Он – такая хитрая лиса.* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина) [2]; *Лиса он, право, лиса. И нам с Глебом он сначала сладкие песни пел, но мы теперь поняли, какой он мерзавец.* (Саянов, Небо и земля) [2]. *Гадюка* – об отвратительном, подлом человеке: [*Марфа Петровна*] *Мой муж и пожить со мной не успел – помер. А твой – ты*

извини – какой **гадюкой** оказался! (Симонов, Русские люди) [2]. Змея – о коварном, хитром, злом человеке: [София] *Не человек, змея!* (Грибоедов, Горе от ума) [2]. Мышь – о тихом, пугливом и трусливом человеке: *А где бабушка? – У нее голова от меня болит. – Падчерица забила в угол и сидела там тихо, как мышь. Черта с два они ее отправят спать. Как же она умнеть-то будет? Нет, надо остаться.* (Елена и Валерий Гордеевы, Не все мы умрем) [4]. Крыса – о человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное, обычно употребляется с определением: [Фанфаров] *непочтительно заговорил вдруг о чиновниках, назвав их «канцелярскими крысами».* (Григоревич, Недолгое счастье) [2]; *Вы, фронтовики, кровь с молоком, а мы, штабные крысы, чахнем над бумагами.* (Симонов, Солдатами не рождаются) [2]. Обезьяна – о человеке, который подражает другим, передразнивает других, либо об очень некрасивом человеке: [Юнкер] *Господин поручик, вот эта обезьяна требует свидания с капитаном Липеровским.* (Лавренев, Дым) [2]. Ишак – об упрямом и безропотно выполняющем самую тяжелую работу человеке [5. С. 257]: *Работаю, – передразнил его Кондрин. – Какой энтузиаст нашелся! Ишак!* (Ажаев, Далеко от Москвы) [2]. Крокодил – о человеке с неприятной внешностью: *Страницу этой любви я закрыла спокойно и вспоминаю теперь, только когда вижу на экране Жан-Поля Бельмондо, и всегда при этом думаю, что мой любимый по прозвищу Крокодил был и лучше и краше.* (Лидия Иванова, Искренне ваша грешница) [4]. Зверь – о чрезвычайно жестоком, свирепом человеке: *Однажды Петр, Катин муж, пьяный, долго и жестоко колотил Катю, потом тут же в кухне, сидя, заснул. Петенька решил избавить Катю от этого зверя.* (Вересаев, В юные годы) [2]; *С девочками-то у вас кто? – На круглосуточной, а по выходным соседка обещалась брать. Она у меня хорошая, заботливая, не зверь какой-то.* (И. Грекова, Перелом) [4].

Следует отметить, что метафорические номинации несут в себе оценочные характеристики. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «...аксиологические значения представлены в языке двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным» [6. С. 198]. Например, слова *собака*, *сука*, *свинья*, *змея* могут употребляться как бранные как по отношению к женщине, так и по отношению к мужчине и передавать значение «плохой человек», тем самым давая общую оценку, в которой нет гендерного противопоставления. Другой вид оценочного именованя человека происходит на основе определенных признаков и является частной оценкой, например *осел* (о глупом, тупом, упрямом мужчине) – *ослица* (об упрямой женщине): *Вот, например, у нас голова – совершенный осел! Тупица непроходимая!* (Тургенев, Новь) [2]; *«Эта мерзавка, эта ослица... Слушай, весь Тбилиси! Это моя жена! Сколько раз я ей говорил, что люблю видеть то, что я пью, но эта идиотка не может этого понять, вот и сейчас – вай ме!* (Василий Катанян, 1998) [4].

Таким образом, основываясь на анализе данного материала, мы можем заключить, что гендерная закрепленность метафорической номинации, т.е. направленность на характеристику качеств мужчины или женщины, зависит от семантики, словообразовательных и грамматических характеристик лексем, называющих животных.

Литература

1. *Кирилина А.В.* Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
2. *МАС.* – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> свободный.
3. *Толковый словарь* Д.Н. Ушакова. – URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> свободный.
4. *Национальный корпус* русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> свободный.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
6. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1–15. 896 с.

GENDER OPPOSITION IN THE REFLECTION OF RUSSIAN ZOOMORPHIC METAPHOR

Komissarova O.V.

Summary. This article is devoted to the tool analysis of metaphoric marking of gender opposition in the Russian language. Variants of actualization of gender relation in contexts with zoomorphic metaphors are considered.

Key words: gender, metaphor, gender marked metaphor, gender unmarked metaphor, zoomorphic metaphor.